

В. А. Иванов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) *

Рассматриваются особенности функционирования изобразительной лексики в фольклорных текстах так называемых малых форм в финно-угорских языках. Дано определение изобразительной лексики, показаны составляющие ее «разряды» слов, а также ее основная (экспрессивная) функция в повседневной речи и в художественной литературе. Представлены результаты исследования изобразительных слов в пословицах и поговорках, а также роли изобразительной лексики в создании эффекта языковой игры. Анализируются загадки, песенные припевы и детский фольклор. В каждом жанре изобразительная лексика выполняет свою основную функцию, а также имеет некоторые специфические функции, определяемые особенностями самого жанра.

Ключевые слова: изобразительная лексика, финно-угорские языки, пословицы и поговорки, загадки, припевы, детский фольклор.

1. Изобразительная лексика

Во многих языках выделяется класс лексики с особыми, подчас аномальными свойствами на всех уровнях языка. Этот класс носит название изобразительной (также подражательной, имитативной и пр.) лексики и объединяет слова, имеющие в своей основе произвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата [Воронин, 1982]. В финно-угроведении изобразительными традиционно называют неизменяемые слова, образно передающие звуковые, зрительные и иные характеристики действий. В широком понимании изобразительная лексика включает такие

* Статья подготовлена на основе доклада в рамках региональной научной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 6–9 октября 2015 г.). Исследования по финно-угорским языкам поддерживаются грантом РГНФ № 16-24-17003.

Иванов Владимир Андреевич – заведующий сектором записи и обработки документов Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., 27, Москва, 119192, Россия; vovagkmfc@yandex.ru)

группы слов, как звукоподражания, междометия, идеофоны, элементы зауми и некоторые другие, а кроме того, производные от таких слов. Все эти группы слов (далее будем называть их разрядами) роднит не только фонетическая и грамматическая аномальность, но и особенности функционирования в языке и речи. Так, все они принадлежат экспрессивному языку и, как следствие, употребляются более всего в художественной литературе и в живой народной речи, в том числе в самом выразительном ее проявлении – фольклоре.

Изобразительные слова противопоставлены в языке обычной, нейтральной лексике. В частности, на семантическом уровне это выражается в чрезвычайной конкретности значений: в то время как нейтральные слова выражают более общие понятия, «обобщающая сила» изобразительных слов чрезвычайно мала. Как указывал Д. В. Бубрих, для изобразительных слов нет просто битья, падения, ходьбы и т. д., а есть «бесчисленное количество всяких способов» битья, падения, хождения и т. д. [Бубрих, 1949, с. 91]. Кроме того, изобразительные слова почти всегда имеют экспрессивный, эмоциональный, субъективно-оценочный компонент в значении. Употребление подобных слов в повседневной речи не только служит для более точной, более яркой передачи образа той или иной ситуации, но и сигнализирует об отношении говорящего к этой ситуации; таким образом усиливается эффект воздействия на слушающего.

Те же особенности определяют широкое употребление изобразительных слов в художественной литературе (при этом в политической или научной литературе они не встречаются вовсе). С помощью изобразительной лексики художник слова достигает эстетического эффекта – полноты и яркости передачи образа. Эта функция отражена в самом слове «изобразительная». От прочих художественных средств, которыми может быть достигнут тот же эффект, изобразительную лексику отличает более непосредственная передача чувств и эмоций, за счет чего достигается эффект эмоционального воздействия на читателя.

Можно сказать, обобщая, что основная функция изобразительной лексики в повседневной речи и в художественном тексте – э к с п р е с с и в н а я; в это понятие мы включаем как образный («изобразительный»), так и эмоциональный компоненты, поскольку в данном случае они неотделимы друг от друга. Следует, однако, отметить еще одну функцию изобразительной лексики, а именно ее роль в звуковой организации текста; эта функция релевантна почти исключительно для поэтического текста¹.

Не только авторские художественные произведения, но также и фольклорные тексты различных жанров богаты изобразительными словами. В данной работе будут рассмотрены особенности функционирования изобразительной лексики в фольклорных текстах так называемых малых форм; в основном речь пойдет о выражениях пословичного типа (включаем сюда поговорки и прочие подобные клише), загадках, детском фольклоре и песенных припевах. Мы используем прежде всего материал финно-угорских языков, а также русского и некоторых других языков.

Уже самый беглый обзор фольклорных текстов на разных языках дает огромное количество примеров употребления изобразительных слов в их основной (экспрессивной) функции. Однако при более детальном рассмотрении отдельных жанров оказывается, что в каждом из них изобразительная лексика может служить для особых, определяемых самим этим жанром целей. Именно этим обстоятельством, в конечном счете, и определяется актуальность заявленной темы.

¹ Сказанное справедливо, если принять во внимание определение Е. Д. Поливанова: «К поэзии мы относим всякую пьесу, словесный материал которой обнаруживает организованность по тому или иному фонетическому (т. е. звуковому) моменту (помимо и независимо от своей смысловой организованности)» [Поливанов, 1963, с. 99].

2. Изобразительная лексика в пословицах и поговорках

Пословицы и поговорки, по мнению Г. Л. Пермякова, суть «не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» (разрядка автора) [Пермяков, 1988, с. 21]. По форме же пословицы и поговорки представляют собой устойчивые сочетания слов (клише), «в яркой, чеканной форме обобщающие (а точнее, моделирующие) факты самой действительности» [Там же, с. 14]. При этом пословицы, отсылающие к одной и той же ситуации, у разных народов могут иметь совершенно различный облик: их образный строй отражает этническую, географическую, языковую специфику, основывается на местных реалиях и понятиях. Образный характер изречений пословичного типа определяет простор для использования изобразительной лексики в ее основной функции: изобразительные слова участвуют в моделировании образов соответствующих ситуаций, делая эти образы более яркими и полными. Пословицам и поговоркам присуща, кроме прочего, и поучительная функция (знакомство с картиной мира, нормами поведения и т. п.); эта функция привносит в изречение эмоциональный и субъективно-оценочный компонент, что также является предпосылкой использования изобразительной лексики. Примеры употребления изобразительных слов в пословицах и поговорках см. в (1)–(9).

(1) Мар. *Йочырий пушенге кочыртата да шога* [Китиков, 2004, с. 34].
‘Скрипучее дерево скрипит, да стоит.’

(2) Мар. *Онтон тон-тон, пырня вуй тон-тон* [Там же, с. 86].
‘Антон тон-тон, конец бревна тон-тон (т. е. тупой).’

(3) Удм. *Чильк-вальк тылыё атас но жугиськись луэ* [Перевозчикова, 1987, с. 62].
‘С блестящими перьями петух драчлив бывает.’

(4) Удм. *Конгылё писпулэн вужсerez но кингыль-конгыль* [Там же, с. 152].
‘У кривого дерева и тень кривая.’

(5) Мокш. *Тупор-тапор туют, стане тевге муят* [Самородов, 1986, с. 138].
‘Нехотя (кое-как) пойдешь – дела не найдешь.’

(6) Мокш. *Кля-мля, нинге весть кля – ста и лиси куля* [Там же, с. 166].
‘Тары-бары, еще тары-бары – так и выйдет сплетня.’

(7) Рус. *Ни нтру, ни ну* [Даль, 1862, с. 29].
‘Ни назад, ни вперед; ни с места.’

(8) Рус. *Нукать нукай, да не пришлось бы нтрукать* [Там же, с. 615].

(9) Рус. *По бороде хоть в рай, а по делам – ай-ай!* [Там же, с. 770].

Как можно видеть из приведенных примеров, мы рассматриваем не только собственно изобразительные слова (обычно неизменяемые и морфологически неформленные), но и все производные от изобразительных основ части речи (глаголы, прилагательные и т. д.)². Собственно изобразительных слов в пословицах

² В производных словах полужирным шрифтом выделяется изобразительная основа.

и поговорках немного по сравнению с производными, что можно отнести к особенностям данного жанра.

Рассмотрим подробнее пример (2). Перевод дается в данном случае по источнику [Китиков, 2004, с. 86]. Употребление слова *тон-тон* в обеих частях изречения обеспечивает сравнение Антона с концом бревна: Антон тупой, как конец бревна³. В то же время само звукоподражание *тон-тон* передает звук от удара по дереву, что, в свою очередь, усиливает сравнение с деревом.

Изобразительные слова в пословицах и поговорках часто оказываются вовлечены в различные языковые игры⁴. Часто такие игры построены на созвучии звукоподражаний или междометий с другими словами.

(10) Удм. *Ко́чо котьку «чок!» шуэ* [Перевозчикова, 1987, с. 76].
'Сорока всегда «пусть!» говорит.'

(11) Удм. *Ыгы но «уг, уг» шуэ но, кечез нош ялан кутэ* [Там же, с. 81].
'Филин «нет, нет» говорит, но зайцев всегда ловит.'

Игра слов в (10) построена на созвучии слова *чок* 'пусть, ладно' и крика сороки (ср. *ко́чо ко́чыртэ* 'сорока стрекочет', т. е. издает звук *ко́ч-ко́ч* или *чок-чок*). В (11) используется созвучие отрицания *уг* и уханья филина.

Подобная игра слов встречается и в других жанрах фольклора. На такого рода созвучиях иногда построены целые сказки [ГСУЯ, с. 363–364]. В (12) приводится пример такой игры в загадке: подражание «голосу» синицы в несколько измененном виде (обычное – *тинь-тинь*) участвует в языковой игре, построенной на созвучии «звукоподражания» *пинь-пинь* (< *тинь-тинь*) и слова *пинь* 'зуб'.

(12) Удм. *Пинь! пинь! карэ но – пиньыз ёвёл. (Пислэг)*⁵ [Перевозчикова, 1982, с. 181].
'Пинь-пинь (досл.: зуб-зуб) говорит, а зубов нет.' (Синица).

(13) Мокш. *Работамста «вай», а ярмакнень «дай»* [Самородов, 1986, с. 70].
'На работе «ой-ай», а денежки «дай».'

(14) Мокш. *Аньцек кие шачи – «вай, вай!», а попсь – «дай, дай!»* [Там же, с. 229].
'Только кто родится – «ай, ай!», а поп – «дай, дай!»'

В (13) и (14) обыгрывается (несколько иным образом, нежели в (10) и (11)) сходство междометия *вай* (примерно соответствует русскому *ой*; в (14) может также интерпретироваться как подражание крику новорожденного) и слова *дай*, заимствованного из русского в форме повелительного наклонения и в том же значении – 'дай, подай'. Пример (14) можно понимать так: только ребенок родится и начнет кричать, как поп уже требует что-то дать ему (т. е. попу, – по-видимому, в качестве благодарности за крещение).

Обилие элементов языковой игры в пословицах и поговорках определяется, как кажется, особенностями самого жанра. Завершая обзор игровых приемов

³ Семантический перенос 'тупой' > 'глупый' в марийском языке возможен: ср. *токмак* 'тупой, тупоконечный' и перен. 'тупой, неразвитый, слабоумный'.

⁴ Под языковой игрой понимаются «те явления, когда говорящий "играет" с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [Земская и др., 1983, с. 172].

⁵ Здесь и далее в скобках дается отгадка на приводимую загадку: на языке оригинала в строке текста и на русском языке в строке перевода.

с использованием изобразительной лексики, рассмотрим пример (15) из немецкого языка, в котором мы имеем дело с двойной языковой игрой. Во-первых, на морфологическом уровне: *Kuh* ‘корова’ – мн. число *Kühe* и по этой же модели *tuh* ‘му’ (подражание мычанию) – «мн. число» *tühe*; во-вторых, на уровне созвучия гипотетического «мн. числа» *tühe* со словом *Mühe* ‘заботы, хлопоты’. Если принять во внимание только игру на морфологическом уровне, то (15) воспринимается как скороговорка, если же учесть эффект созвучия, то (15) превращается в пословичное изречение, ср. аналог в (16).

(15) Нем. *Eine Kuh macht **mu**h, viele Kühe machen **Mü**he.*
 ‘Одна корова делает «му», много коров создают хлопоты.’

(16) Нем. *Wenig Kühe, wenig Mühe* [Петлеванный, 1990, с. 34].
 ‘Мало коров, мало забот.’

3. Изобразительная лексика в загадках

Жанр загадки очень тесно связан с жанром пословиц и поговорок. В рассматриваемых языках часто наблюдается параллелизм между жанрами, ср. загадка в (17) и пословица в (18).

(17) Мокш. *Вечна карай, а мастяркс аф арай. (Шякишатаь)* [Самородов, 1987, с. 65].
 ‘Вечно стучает, а мастером не станет.’ (Дятел).

(18) Мокш. *Шякишатаь векозонза карай, а мастяркс аф арай* [Самородов, 1986, с. 58].
 ‘Дятел век долбит, а мастером не станет.’

В то же время имеются и существенные различия между этими жанрами. Эти различия касаются прежде всего семиотической природы изречений: пословицы и поговорки «являются знаками тех или иных т и п и ч е с к и х (разрядка наша. – В. И.) (жизненных или мыслимых) ситуаций» [Пермяков, 1970, с. 63], загадки же «являются знаками отдельных вещей», т. е. требуют в качестве отгадки название какого-либо конкретного предмета или явления [Там же, с. 77]. Еще одно важное отличие загадки касается ее функционирования: ситуация загадывания предполагает двух участников, второй из которых – отгадывающий – должен найти ответ. Эти отличительные черты загадки определяют, кроме прочего, особенности функционирования изобразительной лексики в рамках данного жанра.

Загадки часто изобилуют как собственно изобразительными словами различных разрядов, так и словами, производными от изобразительных основ. Рассмотрим сначала загадки, содержащие звукоподражательные слова (19)–(25).

(19) Мокш. *Вярьге лиендихть куцькатт, синць морайхть «Пуц-цяп», паше пряса тумот шадыхть. (Тингсь и тяляматне)* [Самородов, 1987, с. 91].
 ‘Вверх взлетают ястребы, они поют: «Пуц-цяп», на липе дубинки мотаются.’ (Ток и цепы).

(20) Мокш. *Цят-цяп цятади, выж-выж выжоди, инголь кужи вякужи, мековасу каямась. (Котфвасттне)* [Там же, с. 98].
 ‘Цят-цяп стучит, выж-выж шумит, челнок ходит, нитки водит.’ (Ткацкий станок).

(21) Коми-з. *Вучки-вачки* му вывті, йöла кылö ва вывті. (*Вартöм*) [Плесовский, 1975, с. 73].

‘Стук-ток на земле, эхо раздается на воде.’ (Молотьба).

(22) Коми-з. *Рытъя шлëп-шлëп, а асья бот-бот.* (*Няньшом*) [Там же, с. 75].

‘Вечером шлëп-шлëп, а утром хлоп-хлоп.’ (Квашня).

(23) Карел. *Ѓи, ёи ёолоvannikka, vaskine kabakka* [Лавонен, 1977, с. 54].

‘Чик-чирик ⁶ целовальник, медный кабак.’ (Рукомойник).

(24) Карел. *Nipšau, napšau, käyvä kapšau tiheässä viitakošša* [Там же, с. 62].

‘Хлопает-щелкает, идет-спешит в густых зарослях.’ (Ножницы для стрижки овец).

(25) Рус. *Летели птицы, несли в зубах по спице: «Тилипи, тилипи!»* (*Цепы*) [Даль, 1862, с. 1073].

Функция звукоподражаний здесь очевидна: звук рассматривается как свойство загаданного предмета и призван подсказать отгадывающему правильный ответ. Ряд предметов и ситуаций особенно часто кодируется в загадках с помощью звукоподражаний: например, молотьба, ток и цепы, ср. (19), (21), (25); много загадок такого рода об отбивании льна, конопли, о пахтенье масла и т. п. Некоторые целиком построены на звуковом образе (22), а есть и такие, которые состоят только из звукоподражаний, ср. (26), (27).

(26) Ханты (казым.). *Рту! // Тру! // Ѓру! (Leštän)* [Хелимский, 1994, с. 258].

‘Тьфу!’ (Точильный брусок).

(27) Манси. *Ам äмицум⁷: Тьфу! (Лэстан)* [Кумаева, 2015, с. 63].

‘Моя загадка: Тьфу!’ (Точильный брусок).

В (26) через двойную косую черту приведены фонетические варианты одного и того же звукоподражания и, соответственно, варианты одной и той же загадки. По-видимому, в (26), как и в (27), речь идет о подражании плевок, ср.: «При заточке мужчина делает слегка мокрым лезвие, плюнув на него, это действие помогает быстрее и лучше сделать острым точимый предмет» [Там же].

Изобразительная лексика в загадках может кодировать не только звуковые, но также зрительные, тактильные, двигательные образы, связанные с загаданными предметами. В этом случае употребляются образные (образоподражательные, образно-подражательные, наречно-изобразительные) слова, см. (28)–(31).

(28) Коми-з. *Керкаын луйк-лайк, ывлаын гунь-гонь.* (*Би, тиын*) [Плесовский, 1975, с. 16].

‘В избе едва колыхается, а на улице сразу на виду.’ (Огонь, дым).

(29) Коми-з. *Чукыль-мукыль, кытчö мунан? – Шырöм бурысь, мый тэд могойс? (Ю да берег)* [Там же, с. 74].

‘Извилины-излучины, куда идешь? – Стриженная грива, какое тебе дело?’ (Река и берег).

⁶ Подражание *ёи, ёи* заменяет название воробья, что ясно из близкой русской загадки: *Медный кабачок, воробушка целовальничек* [Лавонен, 1977, с. 54; Садовников, 1876, с. 29].

⁷ *Ам äмицум* ‘Моя загадка’ – стандартная вводная формула любой мансийской загадки, к содержательной части она не относится.

(30) Удм. *Читыр-чутыр, кытчы мынйид? – Мар ужед, чышкем йыр?* (Сюрес но возь) [Перевозчикова, 1982, с. 130].

‘Извилистая, куда пошла? – Какое твое дело, бритая голова?’ (Дорога и луг).

(31) Мокш. *Пиндолды-вандолды, целай пакся вчколды. (Пеелемсь)* [Самородов, 1987, с. 92].

‘Блестит-сверкает, целое поле расчищает.’ (Коса).

Функция образных слов здесь, по сути, та же, что и функция звукоподражаний в примерах (19)–(25): они должны навести отгадывающего на соответствующий образ и помочь найти ответ.

В примерах (32)–(36) мы видим использование в загадках слов еще одного изобразительного разряда – подзывных слов для животных (общее название «подзывные слова», «подзывы» распространяется также на слова отгона и прочие команды для животных).

(32) Удм. *Ыштре! Кечтре! Бадӟым гидысь пичи гидэ! (Бадӟым гурысь учоге эгыр кыскем)* [Перевозчикова, 1982, с. 25].

‘Ыштре! Кечтре! Из большого хлева в маленький хлев!’ (Из большой печи в загнеток угли выгребают).

(33) Мокш. *Вирьса пияшеста керса, кудса мяндьса кярста, кучкасонза – тпру. (Дугась)* [Самородов, 1987, с. 94].

‘В лесу с липы сдеру, дома с лубка согну, посередине – тпру.’ (Дуга).

(34) Мокш. *Вирьса керса, кудса мяндьса, кучкасонза – тпру. (Сифтемсь)* [Там же, с. 148].

‘В лесу срублю, дома согну, посередине – тпру.’ (Сито).

(35) Рус. В лесу *тяп-тяп*, дома *ляп-ляп*, по краешкам *тпрусеньки*, в середке *ну-ну*. (Сито) [Рыбникова, 1932, с. 19].

(36) Рус. *Свят, свят, с осинки снят, по середке – «тпрук»*. (Сито) [Там же, с. 329].

Подзывные слова *ыштре*, *кечтре* используются в (32) для моделирования ситуации выгона скота, посредством которой в данной загадке кодируется ситуация перемещения горячих углей из печи в загнеток⁸. В (33) слово *тпру* – команда для лошади – заменяет само слово «лошадь» (мокш. *алаша*), несколько усложняя таким образом загадку о предмете лошадиной упряжи. В (34) *тпру* воспринимается носителями языка⁹ в качестве изобразительного слова, выражающего зрительно-моторный образ процесса просеивания через сито; возможность такого восприятия обусловлена, вероятно, артикуляционными характеристиками губно-губного вибранта, входящего в состав слова *тпру*. При такой трактовке загадки (34) мы имеем пример сближения двух изобразительных разрядов – подзывов и образных слов. Однако, по-видимому, *тпру* в (34) может иметь и другую интерпретацию, ср. у М. А. Рыбниковой о загадке (35): срубили дерево в лесу (*в лесу тяп-тяп*), дома обделали (*дома ляп-ляп*) – здесь полное совпадение с мокшанской загад-

⁸ Загнеток, или загнетка – место на шестке или площадка перед устьем русской печи, куда сгребаются горячие угли.

⁹ Некоторые мокшанские загадки обсуждались автором статьи с носителями мокшанского языка в ходе экспедиции 2015 г. в с. Лесное Цибаево Темниковского района Республики Мордовия.

кой (34), в которой эта часть показана явно, а не изобразительными словами вроде *тяп-тяп* и *ляп-ляп*; далее, натянули внутрь конский волос (*в середине ну-ну*), закрепили телячьей кожей (*по краешкам тпрусеньки*) [Рыбникова, 1932, с. 19]. То есть *тпру* в (34) может указывать на конский волос, как и *ну-ну* (команда для понукания лошади) в (35), *тпрук* в (36). Использование в (35) *тпрусеньки* для указания на телячью кожу не вносит противоречия: подзывы с губно-губным вибрантом типа *тпру* могут использоваться как для лошадей, так и для коров.

Интересно, что лексические звукоподражания – вовсе не единственное средство построения звукового образа в загадке. Составители сборников (см.: [Самородов, 1987, с. 13–14; Перевозчикова, 1982, с. 25–26; Китиков, 1967, с. 26–27] и др.) выделяют загадки, построенные на выразительном повторе определенных согласных (аллитерация), гласных (ассонанс) звуков или на особой ритмике.

(37) Эрз. *Човак, човак, эйднем, човак, човак, левкскем; тусь чова пиземе, совась чова каль алов. (Сувтемесь)* [Самородов, 1987, с. 13].

‘Мели, мели, мой ребенок, мели, мели, мое дитяtko; пошел мелкий дождичек, зашел под тоненький ивнячок.’ (Решето).

(38) Мар. *Кычи-качи, кычи-качи, айык-майык, айык-майык, сита-тиз, сита-тиз.* (Загадка о процессе обработки конопли) [Китиков, 1967, с. 27].

(39) Мар. *Туп-туп, рошт-рошт, манли-манли. (Шуар – Ступа)* [Там же, с. 109].

Пример (37) демонстрирует возможность выстраивания звукового образа без использования звукоподражательных слов, а (38) и (39), наоборот, состоят только из звукоподражаний. Тем не менее чаще всего изобразительная лексика (как звукоподражания, так и междометия и образные слова) вводится в текст загадки для поддержания соответствующего эффекта.

(40) Эрз. *Лыким-лаким Олдаким, илямак тока – лавон прыть. (Сувтемесь)* [Самородов, 1987, с. 13].

‘Лыким-лаким Евдоким, не тронь меня – отруби мои выпадут.’ (Решето).

Загадка (40) построена на звуковом образе, в основе которого лежит аллитерация (повторы *л, к, м*), и слово *лыким-лаким* является частью этого образа. Кроме того, слово *лыким-лаким* выражает образ покачивания из стороны в сторону – движения, характерного для работы с решетом; ср. также глагол *лыкамс* ‘колыхаться, качаться, шевелиться’. Существуют в то же время такие загадки, в которых изобразительное слово представляет собой лексический раритет (т. е. встречается только в загадках или даже только в данной конкретной загадке). В (41), как кажется, слово *тренти-пенти* никак не характеризует загаданный предмет и даже не может быть проинтерпретировано носителями языка.

(41) Мокш. *Тренти-пенти, парьхци руцят келепни. (Атякишь)* [Самородов, 1987, с. 68].

‘Тренти-пенти, шелковые платки раскладывает.’ (Петух).

Подобные загадки нередко переходят в категорию, которую А. И. Кузнецова обозначила как «неразгадываемые загадки» (неразгадываемые для современных носителей языка – см. подробнее [Кузнецова, 2014, с. 602–603]). Однако у некоторых народов встречаются загадки, состоящие из одного-единственного никому не понятного слова (42); никто не знает значений слов *сисикод* и *дебод* (они встре-

чаются только в этих загадках), и при этом загадки остаются известными и разгадываемыми.

(42) Кози (< банту < нигер-конго; Камерун).

Сисикод. (У всякой переправы есть своя гора) [Журинский, 2007, с. 103].

Дебод. (Муравей никогда не попадет в капкан) [Там же].

К категории неразгадываемых, вероятно, относилась бы русская загадка (43), если бы не воспроизводилась постоянно в различных сборниках и не оставалась бы поэтому известной. В самом деле, непонятно, кто такой *тур-потутур*, с трудом можно осмыслить глагол *потутуриуться* (кроме того, непонятно, почему *гости* должны прибыть именно из *Нова-города*).

(43) Рус. *Тур-потутур, потутуриуишь сидит: ждет гостей из Нова-города. (Кот и мыш)* [Садовников, 1876, с. 111].

Подобные немотивированные (на первый взгляд, по крайней мере) элементы часто встречаются в загадках о животных. Синтаксическую структуру (41) и (43) можно проинтерпретировать так, что слова *тренти-пенти* и *тур-потутур* окажутся в позиции подлежащего, как бы замещаая названия загаданных животных¹⁰ (запятые в таком случае, конечно, излишни). С табуированием названий животных мы сталкиваемся во многих языках, причем часто замещение бывает характерно именно для фольклорных текстов. Существуют примеры замещения названий животных изобразительными словами в загадках: ср. хотя бы (23), (33), а также румынские загадки о волке и овцах (44), (45).

(44) Рум. *Tinghi-linghi o ia pe vale, şoldu-boldu îi iese-n cale. (Oaie, lup)* [Свешникова, 1994, с. 250].

‘Тинги-линги идет по долине, шольду-больду выходит ей наперерез.’ (Овца, волк).

(45) Рум. *Cinghi-linghi pe cărare, hurdu-burdu şede-n vale. (Oaie, lup)* [Там же, с. 251].

‘Чинги-линги на тропинке, хурду-бурду сидит в долине.’ (Овца, волк).

В румынском сборнике, содержащем загадку (44), предложена интерпретация выделенных слов: *tinghi-linghi* подражает звону овечьего колокольчика, *şoldu-boldu* изображает позу волка, поджидающего овцу, ср. *şold* ‘бедро’, *boldi* ‘таращить глаза’; *hurdu-burdu* в (45) интерпретировать не удается [Свешникова, 1994, с. 250–251]. Однако эта интерпретация не учитывает русский материал, ср. (46).

(46) Рус. *Шла шалда-балда, ее поймали чики-брики, увидели мякинники, сказали хлебакам: «Хлебаки, хлебаки, садитесь на овсянников, берите шалдаки, догоняйте шалду-балду, бейте чики-брики. (Овцы, волки, собаки, мужики, лошади, ружья)* [Рыбникова, 1932, с. 13].

Шалда-балда почти в точности повторяет румынское *şoldu-boldu*, но при этом в русской загадке относится к овце, а не к волку. Учитывая бытование загадки (46) в основном на Урале, интерпретировать румынский текст (44) исходя из дан-

¹⁰ Ср. замещения названий загаданных предметов антропонимами (*Стоит Антошка на одной ножке. (Гриб)*), этнонимами (мар. *Ик руш кок окна гыч ончен кия. (Авагашта).* – ‘Один русский смотрит в два окна.’ (Матица) [Китиков, 1967, с. 24]) и т. п.

ных только лишь румынского языка, как кажется, необоснованно. Происхождение единиц типа рус. *шалда-балда* и рум. *şoldu-boldu* требует дополнительных разысканий (отдельного ответа требует и вопрос о причинах сходства русского и румынского материала). Подобные единицы могут представлять собой слова, некогда полноточные, но на синхронном уровне утратившие значение и бытующие в фольклорных текстах в качестве реликтов. Возможна и обратная ситуация, когда единицы, изначально звукоподражательные или заумные, в результате «народной этимологии» сближаются со значимыми словами. Как бы то ни было в конкретном случае, с функциональной точки зрения слова вроде рум. *şoldu-boldu*, мокш. *тренти-пенти* и рус. *тур-потутур* близки к фольклорной зауми, представленной особенно широко в песенных припевах и детском фольклоре.

4. Изобразительная лексика в песенных припевах и детском фольклоре

Различные песенные жанры обычно не относят к малым формам фольклора. В данной работе, однако, мы считаем целесообразным рассмотреть в качестве отдельного жанра песенные припевы (рефрены). Хотя припевы – органичная составляющая песен, в то же время одни и те же припевы и элементы припевов повторяются в песнях различных жанров, что дает основание исследовать их независимо от самих песен.

В песенных припевах часто используются элементы зауми, иногда припев целиком представляет собой заумный текст, ср. (47).

(47) Эрз. *Я еёх ваёх ваеень / ва еёх ваёх ваеень* [Поливанов, 1963, с. 101].

В то же время существуют стандартные (можно сказать, лексикализованные) элементы песенных припевов, ср. хотя бы рус. *лай-лай*, *тарьям-пам-пам*, *трень-брень* и т. п. Такие элементы становятся объектом лексикографии (например, фиксируются в «Словаре русских народных говоров»). Их можно считать подражаниями звукам музыки и пения, а в таком случае они должны занять свое место в системе изобразительной лексики языка. В качестве припевов используются и настоящие звукоподражания – подражания звукам окружающего мира, ср. удм. *жин-жин* – подражание звону косы при косье (48).

(48) Удм. *Ойдолэ мыноме бусые, / Ойдолэ мыноме бусые... / Жин-жин! Мусо нылъёс! / Жин-жин! Чебер нылъёс! / Бусые...* [ГСUY, с. 360].

‘Давайте пойдёмте на поле, / Давайте пойдёмте на поле... / Жин-жин! Милые девушки! / Жин-жин! Красивые девушки! / На поле...’

Некоторые звукоподражания особенно часто используются в припевах; таково, например, удм. *жин-жин* в (48), ср. также (50). При этом отдельные звукоподражания иногда теряют свое первоначальное значение и воспринимаются уже исключительно как элемент припева. Например, так обстоит дело с коми-ижемским *зиль-зэль* (подражание звону), которое в ряде говоров понимается теперь только как припевное слово¹¹.

Элементы припева часто сопровождаются эмоциональными междометиями, ср. рус. *ой, люли, люли* и то же в (49).

(49) Коми-п. *Поди, локта, поди, ог. / Ой-люли, поди, локта, / Ой-люли, поди, ог.*
‘Может, приду, может, нет. / Ой-люли, может, приду, / Ой-люли, может, нет.’

¹¹ Полевые материалы автора, с. Восьхово Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО, 2012 г.

У бесермян¹² и северных удмуртов распространен специфический музыкально-фольклорный жанр – крезь. Это напевы на ряд фиксированных мелодий, тексты которых состоят из «припевных слов»: в основном это междометия, звукоподражания, служебные слова (частицы, союзы), формы глаголов речи *шуыны*, *вераны* ‘говорить, сказать’ и отдельные смысловые вставки (чаще всего сочетания-клише) [Ходырева, 1996, с. 9]. Бесермянские крезы не имеют устойчивых текстов: тексты меняются от случая к случаю и от исполнителя к исполнителю. При коллективном пении каждый певец может пропевать свой текст, подчас импровизируя.

(50) Удм. бесерм. *Жын-жын, жын-жын, э, шуса. / Э, бен но, эй-я. / Э, бен но, э, ялэ, я* [Шаховской, 1992, с. 166].

(51) Удм. бесерм. *Жаль, жаль, жаль, э, я бен но. / Эй-я, верало бен, бен* [Там же, с. 167].

В (50) и (51) только одно слово полнозначное – *верало* ‘говорят’. Все слова, выделенные в (50), (51) полужирным шрифтом, – звукоподражания либо междометия. При этом *бен* ‘да’, *я* ‘ну’, *ялэ* ‘давайте, нуте’ тоже относятся к междометиям, но не сферы эмоций, а сферы волеизъявлений; *но* – сочинительный союз или частица.

Среди припевных слов встречаются элементы, которые нельзя отнести к известным категориям (таким как звукоподражания, междометия, служебные или знаменательные слова). Некоторые из них, возможно, были когда-то значимы, но ныне их значение забыто, они никому не понятны. Пример такого реликта дают нам, возможно, напевы северных удмуртов. Так, И. М. Нуриева этимологизирует рефрен *ай дон / ай дой* (52), (53) и возводит его к обращению к Творцу-Создателю, см. [Нуриева, 2000].

(52) Удм. *Жингыр, пе, жингыр, пе, верай (й)э гинэ но, ай дой (йэ) шуи ук...* [Там же, с. 283].

‘Дзынь, мол, дзынь, мол, сказал (й)э да только, ай дой (йэ) сказал ведь...’

(53) Удм. *Ай ды гинэ ми дай дон ай дон* [Там же].

Данный рефрен может в действительности являться междометно-подражательным, но в целом переход полнозначных слов в припевные элементы хорошо согласуется с общим свойством изобразительных разрядов «затягивать» в себя слова неизобразительного происхождения; см. об этом свойстве, например, в работах [Дыбо, 2004; Jarva, 2001].

Вместе с песенными припевами разумно рассмотреть «зачины» заумного или изобразительного характера. «Зачины» такого типа могут быть у самых разных фольклорных текстов, начиная от детских считалок и заканчивая фрагментами эпических текстов. Ср. текст коми-ижемской народной баллады (54).

(54) Коми-з. *Сирчинь-бирчинь, / Ныліс бөрдэ: / Джуджыд карэ, / Паськыдыбе, / Тотарина пи саяс* [Микушев, 1973, с. 180–181].

‘Сирчинь-бирчинь, / Девушка плачет: / В высокое городище, / В широкое поле, / За сына татарского [отдают].’

¹² Бесермяне – коренной малочисленный народ РФ; проживают компактно на севере Удмуртской республики, говорят на бесермянском наречии удмуртского языка.

В других текстах сходного содержания встречаются варианты *виричунь-сиричунь*, *шырчинь-бирчинь*, *сырики-бирики*. Похожие элементы встречаются в детской дразнилке (55).

(55) Коми-з. **Ви́ра-чу́нь, си́ри-чу́нь**, *вири-вара, сириньыс висьё, сиринь* дзулля чеччыштёма [Микушев, 1973, с. 181].

‘Ви́ра-чу́нь, си́ри-чу́нь, вири-вара, вертлюг-то заболел, вертлюг-то соскочил.’

Народная этимология допускает сближение *сирчинь* и *сир чу́нь* ‘щучий палец’, *бирчинь* и *вир чу́нь* ‘окровавленный палец’. На такое понимание ориентировался Ю. Вихман, записавший следующий вариант песни (54):

(56) Коми-з. **Ви́р чу́нь, ви́р чу́нь**, *нылыд бо́рдё, / Тотара жё ни сайё эн сет / Джуджыд карё, паськыд ыбё* [Там же].

‘**Blutfinger, Blutfinger**, deine Tochter weint, / Gieb sie dem Tatarensohn doch nicht (zum Weibe) / In die hohe Stadt, auch die weiten Felder.’ (‘Кровавый палец, кровавый палец, твоя дочь плачет, / Не отдавай же ее татарскому сыну (в жены) / В высокий город, да [в] широкие поля.’)¹³

Однако В. И. Лыткин высказал предположение, что *сирчинь-бирчинь/сирчунь-вирчунь* является искаженным словом татарского языка, сохранившимся как напоминание о временах монголо-татарского влияния [Там же, с. 180–181]. Вообще, не является новостью, что «особенно хорошо поддаются затягиванию в имитативные (т. е. изобразительные. – В. И.) группы слова, вновь попадающие в язык, то есть заимствования» [Дыбо, 2004, с. 69]. Сходный пример нам дает, возможно, коми-зырянская детская считалка (57).

(57) Коми-з. **Атэ катэ, кирмэ лёле**, / *Чибэ чане, рие рае, / Кали пути кики во-ты, / Шёрэм притон, / Вэсь вом так көр кись* [Панюков, 2010, с. 93].

Ее «зачин» *атэ катэ, кирмэ лёле* происходит, возможно, от хантыйского *ит, кят, хулэм, ньол* ‘один, два, три, четыре’.

Детский фольклор чрезвычайно богат не только заумью, характерной более всего для считалок, но также изобразительными словами других разрядов. К категории детского фольклора относят, во-первых, произведения, созданные взрослыми специально для детей (колыбельные, пестушки, потешки и др.); во-вторых, произведения, которые создают сами дети, играя или подражая взрослым (считалки, дразнилки, заклички и др.).

В детских колыбельных песнях в качестве рефренов или зачинов используются детские слова (типа рус. *баю-бай*), которые служат специально для баюканья ребенка (58), (59). Те же слова обычно могут пропеваться отдельно, вне колыбельной песни; в таком случае они фиксируются в словарях как специальные детские междометия.

(58) Ханты. **Тёй-тёй, рапс-рапс** / *Пу́хи́ем э́нна. / Тёй-тёй, рапс-рапс* / *Щу́щи-ем э́нна* [Молданова, 2008, с. 29].

‘Тёй-тёй, рапс-рапс / Сыночек, расти. / Тёй-тёй, рапс-рапс / Младенец мой, расти.’

(59) Ханты. **Э́ви́ем тёй-тёйи / Тёй-тёй-тёй-тёйи. / Э́ви́ем бай-байи / Бай-бай-бай-байи** [Там же, с. 32].

‘Доченька, тей-тейи / Тей-тей-тей-тейи. / Доченька, бай-байи / Бай-бай-бай-байи.’

¹³ Коми и немецкий текст приводятся по [Микушев, 1973, с. 181]. Пер. с нем. наш.

В отличие от колыбельных, склоняющих ребенка ко сну, пестушки и потешки сопровождают бодрствование ребенка, а именно специальные физические упражнения. Эти упражнения способствуют физическому развитию, а сопутствующие им тексты отвечают за эмоциональное состояние ребенка. В пестушках используются специальные изобразительные слова, которые соответствуют разным видам пестования и сопровождают различные движения. Например, «тютюшканье» (покачивание или подкидывание ребенка) сопровождается в русском языке словами *тютюшки-тютюшки*, в мордовских *дюгу-дюгу*, *дёголь-дёголь* и т. п., ср. (60), в марийском *учики-вачики*, ср. (61), и т. д.

(60) Эрз. *Дёге, дёге, дёкшке*, / *Монь тейтерем покшке*, / *Покш васень чакшошка* [Таракина, 1978, с. 65].

‘Дёге, дёге, дёкшке, / Моя дочка уже большая, / Ростом она с большой горшок.’

(61) Мар. *Учики-вачики*, / *Учики-вачи*, / *Изи пси үлнӧ*, / *Изи Мичу кӱшнӧ* [Петухова, 2002, с. 99].

‘Учики-вачики, / Учики-вачи, / Маленькая кошка внизу, / Маленький Мичу наверху.’

Эти специальные слова в пестушках передают, по-видимому, моторный образ соответствующего движения, что подтверждается близостью по крайней мере некоторых таких слов к общеупотребительным изобразительным словам: ср. *учики-вачики*, *учики-вачи* в (61) и марийск. *учик-учик*, изображающее качание на качелях, в колыбели, на ногах, а также подбрасывание на руках вверх.

Потешки предназначены для детей чуть более старшего возраста, когда ребенок понимает уже несколько больше, чем в период пестования. Для текстов пестушек важнее прочего оказывается благозвучие, ритмический рисунок (с точки зрения формы) и добрые пожелания, установка на благополучие (с точки зрения содержания). Потешки более непосредственно обращены к ребенку, в их содержании больше выражены игровая (развлекательная) и познавательная (поучительная) функции. Этим, в частности, объясняется появление в потешках подражаний звукам животных (взрослые вообще довольно рано начинают показывать детям «голоса» зверей и птиц), ср. (62). В то же время изобразительные слова могут так же, как в пестушках, сопровождать соответствующие движения, ср. (63).

(62) Манси. *Каткасы дуйги: Тив-тив-тив!* / *Турап хотал вари ке*, / *Ам хоталь исапегум?* / *Ам хоталь щалтапегум?* / *Ам тыг ты исапегум!* / *Ам тыг ты щалтапегум!* [Кумаева, 2012, с. 269].

‘Синичка щебечет: Тив-тив-тив! / Если наступит день ненастный, / Куда же сяду я? / Где же спрячусь я? / Вот куда я сяду! / Вот куда я спрячусь!’ (При произнесении двух последних фраз ребенку щекочат ладошку, у локтя и под мышкой).

(63) Манси. *Хоталакве посты, хоталакве посты, макве регылтты, макве регылтты. Аквмат та раквалтахтас: ракв-ракв-ракв* [Там же, с. 270].

‘Солнышко светит, солнышко светит, землюшку греет, землюшку греет. Вдруг дождь полил: кап-кап-кап.’ (При произнесении слов о дожде указательным пальцем тихонько постукивают по ладошке ребенка, изображая падение капель).

К детскому поэтическому творчеству относятся обращения к животным (иногда называемые приговорками). Вполне естественно, что в таких текстах широко используются подражания звукам животных, особенно птиц, ср. (64). Таким же естественным кажется употребление слов подзыва, ср. (65), или отгона животных, ср. (66).

(64) Удм. *Куд-кудак, куд-кудак*, / *Кудыын ой пуке так*. / *Мон пуки, кукей пу-зай*, / *Со понна сезьыдэ вай* [Долганова, 1981, с. 12].

‘Куд-кудах, куд-кудах, / В лукошке не сидела так. / Я сидела, яйцо снесла, / За это дай мне овса.’ (Обращение к курице).

(65) Удм. *Дйго-дйго, дйго-дйг*, / *Шуре мын-ай, нянь сёто* [Там же, с. 40].

‘Тега-тега, тег-тег, / На реку иди-ка, хлеба дам.’ (Обращение к гусю).

(66) Удм. *Пси, мани, пси, мани*, / *Пирис гур вылад, пирис!* [Там же, с. 41].

‘Кис, киска, кис, киска, / Брысь на печку, брысь!’ (Обращение к кошке).

К приговоркам (обращениям к животным) близки заклички – обращения к временам года, солнцу, дождю и другим явлениям природы. Эти явления мыслятся как живые: к ним обращаются с просьбами, пожеланиями, сетованиями и т. п. Для таких текстов характерно употребление подражаний звукам окружающего мира, ср. (67), (68). Заклички обычно сопровождаются жестами и действиями, которые вкупе с соответствующими звукоподражаниями должны усилить «заклинательный» эффект.

(67) Манси. *Тур вит, Ас вит, поть-поть-поть* [Кумаева, 2012, с. 270].

‘Озерная вода, Обская вода, кап-кап-кап.’ (Обращение к духу воды: весной, первый раз сажая кого-либо в лодку, нужно намочить его голову водой, говоря эти слова).

(68) Ханты. *Хатл ими, хар, хар*, / *Хатл ими, хар, хар*, / *Вой кушин куштум, / Нехс кушин куштум*. / *Венум пуцинг ернаса муя танемасын?* [Кашлатова, 2008, с. 98].

‘Солнце женщина, хар, хар, / Солнце женщина, хар, хар, / Звериными когтями царапаю, / Соболиными когтями царапаю. / В штаны грязные зятевы зачем спряталось?’ (Обращение к солнцу: вытянув руки к небу, в сторону солнца, просят солнце появиться).

Наконец, в различных жанрах детского фольклора мы ожидаемо встречаем так называемые детские слова – слова, употребляемые взрослыми исключительно в разговоре с детьми и принадлежащие, по меткому выражению Г. Пауля, скорее не языку детей, а языку «нянек и кормилиц», которые объясняются с ребенком с помощью намеренных подражаний детской речи. В связи с этим вполне естественно, что детские слова встречаются более всего в текстах, созданных взрослыми для детей, ср. (69), наиболее часто – в колыбельных. Однако имеются также примеры детского фольклорного творчества, содержащие слова такого типа, ср. (70).

(69) Удм. *Бадяр квар кадь кикие*, / *Тыты квар кадь быбие*, / *Чаки-чаки кикие*, / *Тапи-тапи быбие* [Долганова, 1981, с. 29].

‘Как кленовый лист мои ручки, / Как дубовый лист мои ножки, / Хлоп-хлоп мои ручки, / Топ-топ мои ножки.’

(70) Удм. *Шунды нэнэ, пот, пот*, / *Потйд ке, чача дэрем дйсяло*, / *Пилем дядяй, кош, кош*, / *Кошкид ке, чача дэрем дйсяло* [Там же, с. 31].

‘Солнце-матушка, выйди, выйди, / Выйдешь, в цветастое платье одену, / Облако-батюшка, уйди, уйди, / Уйдешь, в цветастую рубашку одену.’

В (69) детское *кики* ‘ручка’ (нейтральное *ки* ‘рука’), *быби* ‘ножка’ (*пыд* ‘нога’); *чаки-чаки* изображает хлопанье в ладоши, *тапи-тапи* – топанье ногами. В (70) *чача* ‘цветок; цветочный, цветастый’; ср. также детское и диалектное *нэнэ* ‘мать,

мама' при нейтральном литературном *анай* 'мать'. Ср. еще детск. и диал. *кукей* 'яичко' в (64) при нейтральном литературном *пуз* 'яйцо'; детск. и диал. *мани* 'киска' в (66) при нейтральном литературном *ко́йиш* 'кошка'.

5. Заключение

В данной работе мы рассмотрели функционирование изобразительной лексики в фольклорных текстах малых форм в финно-угорских языках. Понятие «функционирование» включает в себя два аспекта: реализация на рассматриваемом материале, во-первых, основных и специфических функций, и во-вторых, типичных свойств данного класса лексики.

Как известно, поэтика малых жанров фольклора предполагает широкое использование как образных, так и эмоционально-оценочных средств, что и определяет простор для употребления изобразительной лексики в ее основной, экспрессивной функции. В этой связи естественным кажется тот факт, что изобразительные слова выполняют также ряд специфических функций, определяемых особенностями каждого конкретного жанра: его содержанием, формой, назначением и др. В нашей работе представлены результаты исследования специфических функций изобразительных слов в пословицах и поговорках, загадках, песенных припевах и детском фольклоре.

Изобразительная лексика в фольклоре реализует также свой потенциал относительно звуковой организации текста, которую так или иначе обнаруживают тексты малых фольклорных жанров (и значит, по определению Е. Д. Поливанова, относятся к поэзии). Речь идет прежде всего о ритмической организации текста, а также об участии в создании аллитерации и ассонанса.

Кроме того, фольклорный материал демонстрирует некоторые характерные свойства изобразительной лексики. Так, наблюдается взаимодействие (иногда взаимозаменяемость) между различными разрядами изобразительных слов. Например, весьма далекие друг от друга (на первый взгляд) образные слова и подзвывы для животных могут играть весьма сходную роль в загадках, в детском фольклоре. Этим подкрепляется идея о целесообразности рассмотрения изобразительной лексики как единого класса, единой системы.

Способность изобразительных разрядов «затягивать» в себя различные слова неизобразительного происхождения, в том числе заимствования из других языков, ярко проявляется в детских считалках, дразнилках, песенных припевах. Эта способность является одним из глобальных свойств изобразительной лексики.

Интересно также отметить, что в сходных текстах на разных языках употребляются сходные изобразительные слова. Причем такое сходство (иногда почти буквальное) имеет место не только между близкими языками (как коми-зырянский и удмуртский, ср. (29) и (30)), но и между весьма далекими (генетически и ареально) языками (румынский и русский, ср. (44) и (46)).

Таким образом, функционирование изобразительной лексики в фольклоре малых форм, с одной стороны, имеет ряд особенностей, с другой стороны, демонстрирует ряд характерных для данного класса свойств. Этот факт делает исследование данного вопроса интересным как с точки зрения фольклористики, так и с точки зрения теории звукоизобразительности.

Список литературы

- Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи // Уч. зап. Карело-Финского ун-та. 1948. Т. 3, вып. 1: Истор. и филол. науки. Петрозаводск, 1949. С. 85–94.
Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.

- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. 376 с.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1862. 1096 с.
- Долганова, 1981 – Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л. Н. Долганова. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.
- Дыбо А. В. К проблеме происхождения имитативных слов // Тюркская и смежная лексикология и лексикография: Сб. к 70-летию К. Мусаева / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2004. С. 68–76.
- Журинский А. Н. Загадки народов Востока: Систематизированное собрание / Сост. А. В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007. 534 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
- Кашилатова Л. В. Представление обских угров о Пай ики // Фольклор коренных народов Югры и Ямала: Общее и особенное: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 96–101.
- Китиков, 1967 – Марийские народные загадки / Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1967. 182 с.
- Китиков, 2004 – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 208 с.
- Кузнецова А. И. Специфика текстов малого жанра в уральских языках // Язык. Константы. Переменные: Памяти А. Е. Кибрика / Гл. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Алетейя, 2014. С. 596–605.
- Кумаева М. В. Ономотопея в мансийском детском фольклоре // European Social Science Journal. 2012. № 10-2(26). С. 268–274.
- Кумаева М. В. Особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора (на примере пестушек и потешек, загадок) // Вестник угроведения. 2015. № 2(21). С. 60–66.
- Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л.: Наука, 1977. 134 с.
- Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. 255 с.
- Молданова Т. А. К интерпретации текстов хантыйских колыбельных песен // Детский фольклор обских угров: Материалы науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 19–40.
- Нуриева И. М. К этимологии рефрена «ай дон» в удмуртских свадебных песнях // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 282–286.
- Панюков А. В. К вопросу о самоорганизации зауми (на материале коми считалок) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 49. № 34(215). С. 93–99.
- Перевозчикова, 1982 – Удмуртский фольклор: Загадки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 254 с.
- Перевозчикова, 1987 – Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
- Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Петлеванный, 1990 – 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок / Сост. Г. П. Петлеванный, О. С. Малик. М.: Высш. шк., 1990. 48 с.
- Петухова А. Н. Марийский детский фольклор: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2002. 177 с.

- Плесовский, 1975 – Коми народные загадки / Сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. 111 с.
- Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 99–112.
- Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. 488 с.
- Садовников, 1876 – Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
- Самородов, 1986 – Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / Сост. К. Т. Самородов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 278 с.
- Самородов, 1987 – Мордовские загадки / Сост. К. Т. Самородов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 287 с.
- Свешикова Т. Н. Румынские загадки о волке // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 248–255.
- Таракина, 1978 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Т. 8: Детский фольклор / Сост. Э. Н. Таракина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. 299 с.
- Хелимский Е. А. Номинативная мини-загадка: На стыке загадки, метафоры и лексического субститута // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 256–263.
- Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 120 с.
- Шаховской А. П. Народно-песенная культура бесермян / Под ред. Э. А. Алексеева. М.: NB Магистр, 1992. 171 с.
- Jarva V. Some expressive and borrowed elements in the lexicon of finnish dialects // Ideophones / Ed. by F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2001. P. 111–120. (Typological studies in language; Vol. 44).

Список использованных языков

Коми-з. – коми-зырянский; **коми-п.** – коми-пермяцкий; **казым.** – казымский диалект (языка ханты); **карел.** – карельский; **мар.** – марийский; **мокш.** – мокшанский; **нем.** – немецкий; **рум.** – румынский; **рус.** – русский; **удм.** – удмуртский; **удм. бесерм.** – бесермянское наречие удмуртского языка; **эрз.** – эрзянский.

V. A. Ivanov

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation; vovagkmfc@yandex.ru*

Sound iconic words in small genres of folklore (by the material of Finno-Ugric languages)

The paper deals with the peculiarities of functioning of graphic vocabulary in the folklore texts in the so-called small forms in the Finno-Ugric languages. The author defines the graphic vocabulary, shows its subclasses and discusses its primary (expressive) function in everyday speech and literature. The results of studying the graphic vocabulary in proverbs and sayings and its role in the creation of the effect of language game are presented. The folklore riddles, song refrains and nursery rhymes are analyzed. In each genre, the graphic vocabulary performs its primary (expressive) function and as well as it plays some specific roles defined by the genre.

Keywords: graphic vocabulary, Finno-Ugric languages, proverbs, riddles, song refrains, nursery rhymes.

DOI 10.17223/18137083/57/16

References

- Bubrikh D. V. K probleme izobrazitel'noy rechi [On the problem of sound-symbolic speech]. *Uchenye zapiski Karelo-Finskogo universiteta*. 1948, vol. 3, iss. 1, Istoricheskie i filologicheskie nauki. Petrozavodsk, 1949, pp. 85–94.
- Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 1862, 1096 p.
- Dolganova L. N. *Udmurtskiy fol'klor: Pesenki, poteshki, schitalki, draznilki* [Udmurt folklore: Childrens' songs, nursery rhymes, counting-out rhymes, teasers]. Izhevsk, 1981, 132 p.
- Dybo A. V. K probleme proiskhozhdeniya imitativnykh slov [On etymology of sound iconic words]. *Tyurkskaya i smezhnaya leksikologiya i leksikografiya: Sbornik k 70-letiyu K. Musaeva* [Lexicology and lexicography of Turkic and neighbouring languages: Festschrift to commemorate the 70th birthday of K. Musaev]. Moscow, 2004, pp. 68–76.
- Jarva V. Some expressive and borrowed elements in the lexicon of Finnish dialects. *Ideophones*. Amsterdam, Philadelphia, 2001, pp. 111–120. (Typological studies in language; Vol. 44).
- Kashlatova L. V. Predstavlenie obskikh ugrov o Pay iki [Ob-Ugric people's ideas about Pay-iki]. *Fol'klor korenykh narodov Yugry i Yamala: obshchee i osobennoe: materialy Mezhrregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Folklore of indigenous peoples of Ugra and Yamal: general and special features: Materials of Interregional scientific and applied conference]. Khanty-Mansiysk, 2008, pp. 96–101.
- Khelimskiy E. A. Nominativnaya mini-zagadka: na styke zagadki, metafory i leksicheskogo substituta [Nominative mini-riddle: at the junction of riddle, metaphor and lexical substitute]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: Zagadka kak tekst* [Researches in the area of the Balto-Slavic non-material culture: Riddle as text]. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 256–263.
- Khodyreva M. G. *Pesni severnykh udmurtov* [Songs of the Northern Udmurts]. Izhevsk, 1996, 120 p.
- Kitikov A. E. *Mariyskie narodnye zagadki* [Mari folk riddles]. Yoshkar-Ola, 1967, 182 p.
- Kitikov A. E. *Svod mariyskogo fol'klora: poslovitsy i pogovorki* [Collection of Mari folklore: proverbs and adages]. Yoshkar-Ola, 2004, 208 p.
- Kumaeva M. V. *Onomatopeya v mansiyskom detskom fol'klore* [Onomatopoeia in Mansi children's folklore]. *European Social Science Journal*. 2012, no. 10-2(26), pp. 268–274.
- Kumaeva M. V. Osobennosti yazyka malykh zhanrov mansiyskogo detskogo fol'klora (na primere pestushek i poteshkek, zagadok) [Language features of small genres Mansi children's folklore (for example pestushki and nursery rhymes, riddles)]. *Bulletin of Ugric studies*. 2015, no. 2(21), pp. 60–66.
- Kuznetsova A. I. Spetsifika tekstov malogo zhanra v ural'skikh yazykakh [Specifics of texts of small genres in Uralic languages]. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: pamyati A. E. Kibrika* [Language. Constants. Variables: In memory of A. E. Kibrik]. St. Petersburg, 2014, pp. 596–605.
- Lavonen N. A. *Karel'skaya narodnaya zagadka* [Karelian folk riddle]. Leningrad, 1977, 134 p.
- Mikushev A. K. *Epicheskie formy komi fol'klora* [Epic genres of Komi folklore]. Leningrad, 1973, 255 p.
- Moldanova T. A. K interpretatsii tekstov khantyyskikh kolybel'nykh pesen [On interpretation of texts of Khanty lullabies]. *Detskiy fol'klor obskikh ugrov: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Children's folklore of Ob-Ugric peoples: Materials of scientific and applied conference]. Khanty-Mansiysk, 2008, pp. 19–40.
- Nurieva I. M. K etimologii refrena ay don v udmurtskikh svadebnykh pesnyakh [On etymology of refrain "ay don" in Udmurt wedding songs]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy 4-kh Sibirskikh chteniy* [Cultural heritage of the Siberian and Northern peoples: Materials of the 4th Siberian readings]. St. Petersburg, 2000, pp. 282–286.
- Panyukov A. V. K voprosu o samoorganizatsii zaumi (na materiale komi schitalok) [On self-organization of zaum (by the material of Komi counting-out rhymes)]. *Bulletin of Chelyabinsk State Univ. Philology. History of Art*. 2010, iss. 49, no. 34(215), pp. 93–99.
- Perevozchikova T. G. *Udmurtskiy fol'klor: Poslovitsy, aforizmy, pogovorki* [Udmurt folklore: Proverbs, aphorisms, adages]. Ustinov, 1987, 276 p.
- Perevozchikova T. G. *Udmurtskiy fol'klor: Zagadki* [Udmurt folklore: Riddles]. Izhevsk, 1982, 254 p.
- Permyakov G. L. *Osnovy strukturnoy paremiologii* [The basics of the structural paremiology]. Moscow, 1988, 236 p.

- Permyakov G. L. *Ot pogovorki do skazki* [From adage to fairy tale]. Moscow, 1970, 240 p.
- Petlevannyy G. P., Malik O. S. 400 nemetskikh rifmovannykh poslovits i pogovorok [400 German rhyming proverbs and adages]. Moscow, 1990, 48 p.
- Petukhova A. N. *Mariyskiy detskiy fol'klor*. Diss. kand. filol. nauk [Mari children's folklore. Cand. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 2002, 177 p.
- Plesovskiy F. V. *Komi narodnye zagadki* [Komi folk riddles]. Syktyvkar, 1975, 111 p.
- Polivanov E. D. Obshchiy foneticheskiy printsip vsyakoy poeticheskoy tekhniki [General phonetic principle of every poetry method]. *Topics in the study of language*. 1963, no. 1, pp. 99–112.
- Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow, Leningrad, 1932, 488 p.
- Sadovnikov D. *Zagadki russkogo naroda* [Riddles of the Russian people]. Saint-Petersburg, 1876, 333 p.
- Samorodov K. T. *Mordovskie poslovitsy, prislovitsy i pogovorki* [Mordvin proverbs, household words, adages]. Saransk, 1986, 278 p.
- Samorodov K. T. *Mordovskie zagadki* [Mordvin riddles]. Saransk, 1987, 287 p.
- Shakhovskoy A. P. *Narodno-pesennaya kul'tura besermyan* [Folk-song culture of the Besermyan]. Moscow, 1992, 171 p.
- Sveshnikova T. N. Rumynskie zagadki o volke [Romanian riddles about wolf]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: Zagadka kak tekst* [Researches in the area of the Balto-Slavic non-material culture: Riddle as text]. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 248–255.
- Tarakina E. N. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: V 8 t. T. 8: Detskiy fol'klor* [Folklore of the Mordvin people. In 8 vols. Vol. 8: Children's folklore]. Saransk, 1978, 299 p.
- Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki* [The basics of phonosemantics]. Leningrad, 1982. 244 p.
- Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. Yazykovaya igra [Language-game]. *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture]. Moscow, 1983, pp. 172–214.
- Zhurinskiy A. N. *Zagadki narodov Vostoka* [Riddles of the peoples of the East]. Moscow, 2007, 534 p.